

Зигзаг, ку-ку

Жан Илиески

Жан Илиески

Зигзаг, ку-ку

«Автор»

2026

Илиески Ж.

Зигзаг, ку-ку / Ж. Илиески — «Автор», 2026

Маленькая болезненная Пилар вовлекает родителей в странную игру: каждый вечер они наблюдают за странным зигзагообразным движением семьи туристов из Германии вверх по склону напротив их дома на Тенерифе. Постоянный интерес к ним вдохновляет ее отца на написание романа «Третья скала» о «семье туристов, живущих на вершине горы». История заканчивается смертью одного из детей туристов. Семья из четырех человек из Берлина проводит месяц на Канарских островах. Отец семейства — писатель, он с восторгом описывает канарские пейзажи, архитектуру Тенерифе, дом в долине, где живет маленькая Пилар. Действительно ли существуют два писателя и два повествования, или это все фрагментированный монолог? Кто и о ком пишет и пишет ли кто-нибудь вообще? Гипнотическая спираль повествования с эхом Кортасара и Джона Фаулза.

© Илиески Ж., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

30

Жан Илиески

Зигзаг, ку-ку

Зиг-заг, ку-ку

«Вот они, вот они опять! Вот они», – крикнула Пилар из окна мезонина. Ее отец с матерью прибежали так быстро, как только могли. Пилар ждала у окна уже полчаса. Мать сто раз говорила ей не стоять босиком на мраморном полу, и сейчас она укоризненно поглядела ей на ноги – сланцев на ней не было.

«Они напоминают мне *Битлов*, переходящих по зебре... где-то в Лондоне или в Нью-Йорке?» – сказал отец.

Мать улыбнулась.

Пилар была так счастлива, что наконец показала их родителям. И бабушка, в честь которой та получила имя Пилар, потихоньку поднялась по ступенькам наверх.

«А, это немцы с симпатичным маленьким...», – сказала старушка.

«Ты их знаешь?», – возбужденно спросила маленькая Пилар.

«Да, они каждый день проходят тут, идут куда-то вверх».

Все ненадолго замолчали.

«И что, кто сегодня вечером победит?» – отец погладил ее по голове.

«Испания. Вот увидишь!»

Отец улыбнулся и продолжил ее гладить.

«Почему они это делают?» – прошептал он несколько секунд спустя, как будто говоря сам с собой.

«Может, это какая-то игра», – с насмешкой предложила мать.

«Нет, нет, они так идут, чтобы им не было тяжело, пока они поднимаются», – сказала Пилар с уверенностью в голосе.

«А зачем им идти зигзагом, если они могут идти просто вверх, и отдыхать, когда устанут?»

«Нет, я уверена, что они так идут, чтобы было легче подниматься».

Отец с матерью восхищенно смотрели на темно-желтый свет уличных фонарей, пробивавшийся сквозь тени олеандров, и на три фигуры, шедшие по какому-то выдуманному серпантину на асфальтированной улице. Налево, до самой стены из черных вулканических камней, от которой они должны были повернуть направо, поднимаясь в гору, пока не столкнулись лицом к лицу с черной стеной с правой стороны, и до своих ворот на верху улочки. Все это выглядело как какая-то рутина для них, они как будто о чем-то говорили. Было слышно, как ребенок, который шел впереди, что-то громко спрашивал, чтобы его услышали родители внизу, на выдуманном серпантине. Они не шли друг за другом, как солдаты, каждый двигался свободно по мере своей усталости, и никто не переставал идти и нарушать выдуманную кривую линию, по которой они поднимались наверх. «Они выглядят как автомобили, чьи фары мы видим только тогда, когда они появятся ночью на отдаленном повороте, а когда они проезжают поворот, их снова глотает тьма», – подумала мать.

*

Когда мы спускаемся вниз, справа и слева видны аккуратно построенные высокие стены из черных вулканических камней. Кажется, как будто идешь по крепости на Мачу-Пикчу. Весь район здесь такой. Среди больших камней есть камни поменьше, чтобы лучше держать те, что покрупнее. Ящерицы забираются в них и вылезают, когда мы проходим мимо. Утром я ношу Томми на руках, чтобы он уснул, он не хочет спать в коляске. Мы спускаемся по крутому спуску и по ротонде снова вверх, и до следующего спуска, где открывается широкий вид практиче-

ски на весь Пуэрто-де-ла-Круз. Я уже запомнил растения из сада справа. Метрах в десяти над стеной из черных камней сначала растут белые олеандры, потом розовые, потом снова белые, опять розовые, затем зеленый куст с большими листьями, каких нет в Европе, потом еще один такой же с красными листьями, а дальше кусты меняются по цвету еще три раза. С левой стороны над черными камнями – только живая изгородь и разные виды пальм, торчащие из-за изгороди. Оттуда выглядывает и одно дерево, чьи листья похожи на куст папоротника, но все же это дерево. Когда я сижу на восточной террасе, сверху видно и другую необычную флору, особенно разные виды пальм. У одной из пальм листья большие и широкие, как слоновьи уши, но по краям они игольчатые и жесткие, и когда ветер трет их друг о друга, появляется звук, как будто трут картон. Я подумал, что такими листьями обмахивали фараонов. Другие растения я не могу даже описать. Но мир, который мы не можем назвать, куда лучше того, который можем.

В этом дворе утром я вижу садовников. Каждый второй день они стригут какие-то кусты большими ножницами и собирают небольшие листья, упавшие с пальм. Но каждое утро они начинают в строго определенном порядке. В первую очередь они начинают с чистки бассейна. Длинными сетями они ловят разный мусор на дне бассейна. Бассейн очень красивый, в форме арахисовой скорлупки, с синей мозаикой на дне, изображающей пару играющих дельфинов. Вечером свет из бассейна отражается от потолка нашей спальни и, прежде чем уснуть, я смотрю на игру воды. Я спрашивал себя, почему бассейн нужно освещать вечером, и почему вода движется и когда в нем никто не плавает? Потом я сам себе ответил: из-за опасности, чтобы никто не упал в него вечером, а тени на потолке движутся, потому что вода очищается, и из фильтров медленно вытекает новая вода. После того как садовники заканчивают с бассейном, они точат секаторы, подрезают кусты и выравнивают траву маленькими косилками с мотором. Потом они немного отдыхают и разговаривают, потом граблями собирают остатки своей работы. Мне кажется, что столько работы ни к чему, и что они это делают только для того, чтобы у туристов возникло впечатление, что о них кто-то заботится. Все-таки это частное имущество для сдачи в аренду, а не отеля. Меня успокаивает, когда я смотрю на садовников утром, их рутина помогает мне создать мою собственную.

Там, внизу, где заканчивается улочка, открывается широкий вид на Пунта Брера. Это маленькое рыбацкое сельцо, сейчас полностью проглоченное городом, входит, как нос, в океан. Из всего города только там есть обветшалые домишки с пристройками и баннерами с Носта Мадонной дель Кармен. Вблизи от ротонды, слева и справа от спуска, виднеются богатые резиденции темно-красного или желтого, но больше белого цвета. Там, где мы переходим улицу, растут два молодых куста, как будто с этикетки от шампуня «Алоэ Вера». Не знаю точно, алоэ ли это, но они похожи. Подальше растут два больших куста с листьями как у инжира, но они в два раза больше, и у них нет плодов. Между этими кустами – высокая трава.

Потом начинается новый подъем, а слева находится тот красивый новый дом, построенный в старом, аскетическом, колониальном стиле. Многие думают, что колониальный значит еще и роскошный, но это не так. Канарские острова были тем, что англичане называют *inn*¹, никто не приезжал сюда, чтобы остаться. Отсюда и до самой Америки – только вода, бескрайний океан. Я не знаю, для скольких людей эти острова были последней частью суши, которую они видели в своей жизни. Канарские дома аскетичные, белые, всего с несколькими большими черными камнями, которые торчат из их углов. Они специально оставляли эти большие плиты в качестве единственного украшения, не считая деревянных балконов. Балконы и вправду оригинальны. Они сделаны из лакированного дерева, которое очень редко бывает ненавязчиво резным. Дома напоминают мне пешек, выстроившихся одна рядом другой перед началом партии в шахматы. Здешние постройки больше напоминают мне латиноамериканские, а не испанские. В Испании нет такой простой архитектуры.

¹ Гостиница (если не указано иное, все примечания авторские).

Таков и этот дом. Единственно, мне не нравится, что на одном крыле на фасаде стоит фигура орла. Я знаю, что это символ города, но он отлит в форме, как одна из этих несчастных копий барочных балконов в дешевых придорожных домах в Греции. Я стараюсь совсем не вспоминать об этом орле, проходя мимо дома. Когда мы проходим ротонду, я смотрю только на сад перед домом. В доме два или три этажа. Над вторым этажом как будто маленький домик на доме. Там наверняка только спальня (или ателье, если здесь живет художник, но я в этом сомневаюсь). Бабушка, которая поздоровалась с нами два дня назад, носила кроссовки. Ей точно было около восьмидесяти лет, и она обувала кроссовки, сидя на низкой каменной ограде. Потом она встала и попыталась получше рассмотреть Томми. Она выглядела очень энергичной. Я подумал, что она из Мадрида, мать какого-нибудь успешного банкира, женщина из привилегированного семейства, или она всю жизнь не работала, или выполняла какую-то работу без большого стресса. Они купили совсем новый дом на Канарах и сейчас проводят здесь лето с внучкой (которая наверняка носит ее имя) и с сыном и с его супругой. Из Мадрида, Саламанки и Севильи к ним время от времени приезжают гости, в основном, бизнес-партнеры сына и их семьи, а иногда и какие-нибудь родственники, чтобы внучке, маленькой принцессе, не было скучно. В том доме для многих находится место.

Я всегда восхищаюсь садом перед домом. И он аскетичен. Здесь нет травы, только черный вулканический песок и камни, из которых как-то растут деревья. Как маленький японский сад, но только не с деревьями-бонсаи, а с карликовыми деревьями с гигантскими плодами. У левого крыла, мимо которого мы проходим, растут огромные апельсины. Они все еще зеленые, может быть, для них еще не сезон, сейчас середина июля. Деревце всего два метра высотой, но оно отяжелело от плодов. Слева от этого деревца есть еще одно такого же размера, но его плоды напоминают зеленый грецкий орех. Хотя нет, его плоды гораздо больше орехов. По оставшейся части сада аккуратно распределено всего несколько кактусов. Потом появляется дорожка. Мелкие желто-коричневые и красноватые камушки ведут к воротам. На воротах – металлическая табличка с ротвейлером, на которой написано *Peligro*. Мы проверили, это значит «Внимание!». Очень красивое слово для внимания, может быть, потому что оно напоминает мне минеральную воду Сан-Пелегрино. В полутора метрах над входными воротами есть широкое окно в деревянной раме. По сути, все окна с деревянными рамами, это еще один элемент, свойственный канарским домам. Вдоль дорожки есть еще одно крыло с садом, в котором также есть одно из тех деревьев, похожих на орехи. Сегодня утром никакие собаки на нас не лают.

*Caliende, Caliende*²... Это слово крутится у меня в голове, но я не знаю, что оно означает. Я даже не знаю, где я его прочитал или услышал. Сейчас с горки к нам бегут три молодых курицы и два петуха. Мне стало страшно, когда я понял, что они бегут к нам. Странные они, эти петухи. Обычно петухи очень пугливые и убегают от людей, а эти идут к нам, и тебе кажется, что они на тебя нападут, если им что-нибудь не бросить, вонзят клюв в твою икру. Я думаю, что я не доспал сегодня вечером, у меня все еще какие-то неясные страхи, и я вздрагиваю даже от самого слабого шума. Шеи у петухов как будто масляные, они блестят в утреннем свете. Сейчас они смотрят в сторону, и, кажется, что они как будто и не знают нас, но не приближаются, чтобы кланчить у нас еду, и не уходят.

Эти сюрреалистические петухи кукарекают весь день, не только утром. Наверняка они принадлежат владельцам банановой плантации, которую мы видим с нашей восточной террасы. Всегда, когда кто-нибудь бежит или проходит по асфальтированной дороге, которая се поворачивает там, высоко, и мы все еще не знаем, куда она ведет, они прибегают и ждут от него еды. И на другой плантации, недалеко от центра города, есть петухи и курицы, которые свободно гуляют по улице. Петух резко крутит головой, то влево, то вправо. У него черные перья на

² Жарко (испанский).

хвосте, его тело коричневое, шея желтая, а гребень красный. Глядя на него, я вспоминаю *ce n'est pas un coq*³, но этот петух настоящий.

Под плантацией – большая яма, она выглядит, как будто на это место бросили с самолета водородную бомбу, но, вероятнее всего, произошло обычное осыпание нестабильной вулканической породы. Здесь живут птицы, среди кустов и алюминиевых банок, выброшенных из проезжающих автомобилей. Мы с Томми идем дальше, и перед нами открывается склон с кактусами и лохматыми кустами. Эти кактусы как в Аризоне, те самые, высокие и простые, которые выглядят как человек с поднятой рукой, будто здоровающийся с кем-то. Дальше есть и кусты из кактусов, в которые бросали ранних христиан, которые не хотели отказаться от веры. Прямо у асфальта растут кактусы, о которых Дани сказал, что они похожи на Микки-Мауса, как мордочка с большими ушами. Здесь растут и несколько деревьев, у которых как будто нет ствола, как будто из земли растет одна ветка, и потом, очень редко, то слева, то справа у них по нескольку маленьких веточек, которые выглядят так, как будто какой-то ребенок приклеил их туда и они готовы упасть в любой момент, потому что клей перестал их держать. На краях веточек растет что-то вроде травы или хвоинок, и, когда ты это понимаешь, сразу начинает казаться, что ветки – это тонкие руки с ладонями полными травы.

Сейчас мы поворачиваем направо и поднимаемся вверх по дороге. Сначала видна бордовая фазенда, связанная с плантацией. Я вижу облупившуюся белую стену под ней и ту высокую тонкую пальму, которая, скорее всего, сама выросла на плантации, и ее оставили расти. Она такая высокая, что ее листья не могут дать никакой полезной тени. Под фазендой у дороги справа стоят несколько элегантных вилл, полностью белых. Потом мы останавливаемся. Обычно Томми здесь снова засыпает. Я стою на маленькой смотровой площадке с двумя скамейками и смотрю на океан. С правого края ясно видна полукруглая линия, которая начинается там, где заканчивается остров. Потом я слежу глазами за линией, которая разделяет океан и небо, провожаю взглядом Пунта Брава и слева оказываюсь там, где остров снова оказывается на одной линии между небом и океаном. Как вообще люди могли думать, что Земля плоская? Отсюда видно, что это не так. Если мы заберемся на Тейде⁴ в солнечный день, мы увидим весь остров под нашими ногами и вместо полукруга увидим целый круг между водой и небом, между двумя синими поверхностями. Мы думаем, что мы умнее гуанчей⁵, но, может быть, они первыми поняли, что Земля круглая, ведь они могли это видеть. Просто видеть невооруженным глазом. Я все еще не могу понять, как они жили здесь без питьевой воды. Разве на этом острове есть реки? Если вообще есть, то это точно благодаря тающему снегу на Тейде. Но на других островах нет настолько высоких вершин, чтобы был снег, а все же они были населены. Как они добывали там воду? Томми уже не ворочается, глубоко спит. Я могу вернуться.

*

Испания и правда победила. Благодаря пенальти. До последнего момента не казалось, что так будет.

«Погаси лампу, пожалуйста», – нежно сказала ему она.

«Я не хочу, чтобы она росла с этими глупыми суевериями», – сказал он через несколько минут.

«Мы все атеисты. Даже твоя мать неверующая. И я тоже не знаю, откуда у нее все это. Но не беспокойся, она еще ребенок. А может быть, это что-то, чему не учатся у взрослых. Может быть, это что-то, что исчезает с возрастом?»

«Может быть», – глубоко вздохнул он в темной комнате.

³ Это не петух. Отсылка на «*ce n'est pas un pipe*» (“это не трубка») из Магрита.

⁴ Самая высокая вершина на Тенерифе.

⁵ Коренной народ Канарских островов до испанского завоевания.

«Или, может быть, ты сердисься, потому что все же оказался прав?» – пошутила она с ним.

«Может быть», – сказал сейчас он с самоироничной улыбкой. «Я люблю Испанию, но я при этом реалист. Перед началом матча казалось, что у нас нет никаких шансов. И, кроме того, итальянцы в гораздо лучшей форме, у них в два раза лучше скамья запасных, стратегически у них было превосходство на всех предыдущих матчах, а Мората был травмирован. А сейчас какая-то девочка, которая верит в то, что всегда, если она увидит немцев, поднимающихся по выдуманному серпантину вверх по улице напротив, ее самое большое желание в этот момент обязательно исполнится. И сейчас она дает прогнозы лучше, чем я или Педро или Висенте. Я позвонил вчера Висенте в Мадрид, и он был уверен, что мы проиграем. А Висенте всегда прав, ты это знаешь».

«Не понимаю, почему ты сердисься? Видишь, девочка из всех желаний, которые она могла загадать, выбрала, чтобы Испания победила в футболе, потому что знает, насколько тебе это важно».

Он молчал.

«Или сейчас ты укоряешь себя за пессимизм?»

Он все еще молчал.

«Да наверняка», – она снова начала над ним подсмеиваться. «Ты всегда такой. Ты называешь это прагматизмом. Если они не победят, тогда ты в безопасности, тебя это сильно не расстроит. Но если победят... Вот, что ты будешь делать тогда? Будешь радоваться, знаю, но это не то же самое, как если бы кто-то все время надеялся на победу, но знал, что шансы малы. Знаешь, что это не одно и то же».

«Ладно. Хватит!», – он рассердился и одернул ее. Он знал, что этим она задела его ахиллесову пяту, но и сам удивился своей реакции, поэтому попытался смирить свою сердитость. «Я устал. Хочу спать. Извини».

«Ох, я не испугалась», – она поднялась на локтях. «Я давно хочу тебе это сказать», – она посмотрела ему в глаза, хотя и казалось, что его глаза закрыты. «Работа в банке очень тебя изменила».

Она не хотела сказать ему большего. Она знала, что сказала достаточно. Это значило все. Пусть подумает, что это значит для нее. Он продолжал держать глаза закрытыми, но знал, что она смотрит прямо на него. Он почувствовал, насколько у него горячие веки. Ничего не сказал. Знал, что не обязательно сразу говорить. Знал и то, что не нужно говорить что попало и когда попало. Только измениться, а именно это от него и ожидалось. Его грудь высоко поднималась. Он старался дышать свободно и надеялся, что она смотрит, как равномерно поднимается его грудь. Это бы значило, что он погрузился в глубокое созерцание.

*

Я оставил Томми спать в кровати. Я рисковал. Он часто просыпается, как только я кладу его в нее. Я спустился в главную комнату. Столик, стоящий в углу, на котором была одна только лампа, вчера вечером я поставил на большой стол и, к счастью, высота обоих столов позволяет моим локтям отдыхать, пока я пишу. Так иногда я могу продолжать носить Томми привязанным к себе и одновременно работать.

Комната не особенно вдохновляющая, в ней глупая картина с цветком прямо передо мной и пластмассовая орхидея на столе, но зато здесь есть тонкая желтая занавеска, которая выглядит как летнее платье, рольставни из прорезиненного полотна цвета индиго, которые опускаются до самого низа широких стеклянных дверей, и полотняный козырек снаружи, который опускается при помощи ручного вращательного механизма, как у арабских бакалейщиков. Им можно накрыть всю восточную террасу. С таким количеством приборов я могу разными способами играть со светом, что очень важно для процесса письма. Я использую желтые занавески рано утром, пока все еще не очень жарко, и утренний ветерок с ними играет. Комната

приобретает (приятную) нежную желтизну, а вдалеке я все еще могу видеть цепи белых домов, которые уходят в океан. Рольставни цвета индиго я использую в середине дня. Я опускаю их наполовину и строго ограничиваю солнце в комнате.

Мраморный пол и одно плетеное кресло – вот такая эта комната. Есть и другие предметы, но они мне не нравятся. Мрамор старого типа, как в старых отелях или в виллах диктаторов. Не самый дорогой, не белый или малахитовый, а слегка кофейный, и именно такой для меня хорош. Когда утром мы входим в прихожую и идем к этой главной комнате, в мраморе все удваивается, как будто это зеркало. Ножки стола и стульев вокруг него кажутся в два раза длиннее. Потом слева – ступеньки с деревянными перилами и кресло, сделанное из конопляного волокна, но с металлической конструкцией. Оно солидное, широкое, удобное для письма.

И, несмотря на все преимущества кресла, утром, ради вида, я предпочитаю писать на террасе. На восточной террасе всегда ветер, и утром он особенно холодный, в то время как в двенадцати метрах за мной, на западной террасе, никогда не дует. Мы не можем этого объяснить. Но этот вид гораздо красивее западного. Во дворе под нами – самые разные высокие пальмы. До недавнего времени я был уверен, что существует один или, может быть, два-три вида пальм, а сейчас в одном только дворе я вижу такое разнообразие, о котором до этого не имел никакого представления. Метрах в десяти под нами – большой бассейн, с синей мозаикой, а вокруг него странные, красивые растения. Он принадлежит нескольким виллам снизу. Слева от террасы виднеются кроны двух молодых пальм. Такие пальмы я впервые заметил на Канарах два года назад. У них здоровый, сильный ствол, обычно высокий. В отличие от обычных пальм, их ствол не шершавый, хотя у них есть кольца. Я спрашиваю самого себя, нарастают ли на них по кольцу каждый год? Скорее всего, нет. Кольца выглядят как у тех женщин из юго-восточной Азии, которым каждый год добавляют по одному вокруг шеи для того, чтобы, как говорят, защищать их от нападения тигров, но на самом деле они делают это ради эстетических причин. В этом племени длинные женские шеи – эротический стимулятор. Некоторые из стволов этих пальм похожи на сорокалетних женщин в узких платьях. Сверху они одинаковые, их ветки ниспадают, но в центре пальм я вижу по поднятому вверх листу, похожему на вздетый средневековый меч, твердый и тяжелый. От него, без сомнения, рождаются новые ветки. Потом та низкая пальма у ограды, как фейерверк из веток, почти как куст. С другой стороны, у бассейна, растет одна из тех старых, добрых пальм, которые мы рисовали в школе. Высокая, со стволом как будто из кусочков ананаса. Такая пальма растет и у фазенды, у красного дома на холме подалее, одинокая, постоянно под ударами ветра, и, может быть, она служит только для измерения времени. И справа от меня – самая странная пальма, чьими листьями обмахивали восточных правителей. И у нее есть такие мечи, листья, из которых оформятся новые ветки, но здесь вместо одного четыре новых одновременно тянутся к небу.

Когда я сижу на восточной террасе, ко мне легко приходят идеи. После двора с большим бассейном и множеством пальм под нами взгляд останавливается на одном красивом доме у подножья. Он построен в старом канарском стиле, хотя и совершенно новый. От него начинается дорога, которая ведет к фазенде и вьется вверх, но мы все еще не знаем, куда, а за этим подъемом открывается несколько склонов вдалеке, со множеством белых домов, светящихся на раннем утреннем солнце. Цепи белых домов как на берегах южной Италии. Справа от фазенды – плантации с банановыми деревьями. Эти плантации упрощают вид, будто облегчают работу акварелиста, который в одном красивом, но сложном пейзаже может найти отдохновение, потому что хотя бы одну его часть, которую видит, он может представить одним цветом, одним мазком, одним зеленым поясом, что заполнит лист. Над плантациями просто зеленые выси и небо.

По вечерам часто над этими плантациями собираются большие розово-белые облака, как будто где-то под ними пожар, будто маленький апокалипсис разыгрывается перед твоими глазами. Тогда ты смотришь на лежаки, расставленные около бассейна под террасой, и говоришь

себе: нет, не может быть плохо там, куда так много людей приезжает отдыхать. И знаешь, что это так, но в тебе все равно продолжает тлеть немного страха. Только когда облака не собираются под Тейде, ты понимаешь, что там есть и другие районы, а розовый свет в облаках – это просто отблеск уличных фонарей. Ах, как красиво светят и греют мне душу все эти дома над Пуэрто-де-ла-Крус, они как Млечный путь трепещут вдаль. Когда я поднимаюсь на второй этаж, из нашей спальни видны и другие части города. Сейчас я уже узнаю дом престарелых, розовый, стабильный, с часами как будто в швейцарской городской думе, похожими не по красоте, а по размеру. Вчера, во время короткой предвечерней прогулки, мы добрались до игровой площадки с маленькими футбольными воротами перед домом. Прямо над площадкой было это большое здание, которое даже не выглядело как отель, но мы не имели понятия, чем другим оно могло бы быть. Оно походило на какое-то учреждение, тихое, чистое и опрятное, я подумал, может, оно для душевнобольных людей. Между большим зданием с большими часами и игровой площадкой есть и новая церковь. Тогда она была закрыта. Несколько старых испанцев разговаривали, сидя у площадки. Позже мы узнали, что это дом престарелых. Мы заметили, что на нескольких магазинах, на одной аптеке и одном ресторане реклама не только на испанском, но и на немецком языке. Мы уже стали что-то подозревать, а потом и узнали, что много стариков, говорящих по-немецки, живут в этом доме. Я напишу рассказ об этих людях. Я даже название придумал: «Смерть с красивым видом». Обычно я сначала пишу, а выбираю название после того, как закончу. Терпеть не могу писать с определенным названием, чувствую себя каким-то учеником, пишущим на заданную тему, но я думал и не могу найти лучшего названия для того, о чем хочу написать.

Черт побери! Томми плачет, проснулся. Сейчас Алина позовет меня, чтобы я его взял.

Нет, она не зовет меня его взять, но сейчас я уже не могу сосредоточиться. Тогда я буду учить испанский. Я не уверен, что это нужно делать. Не чувствую, что это необходимо. Я знаю, что хочу, чтобы мы купили дом в Испании и жили хотя бы часть года здесь, но на настоящий момент это невозможно и в ближайшем будущем тоже. Полностью переселиться в Испанию тоже невозможно. Для того, чтобы понять друг друга с таксистами и в ресторане, хватит и того слабого английского языка, на котором они говорят.

Когда мы входим в длинный коридор справа от входов, на каждой из четырех вилок написано Vv на табличке размером двадцать квадратных сантиметров. Табличка розовато-красная, а буквы белые. Над большими буквами на черном фоне белыми буквами того же размера написано *viviendas vacacionales*⁶. Испанское правительство, похоже, приняло закон о четком разграничении видов бизнеса, связанных с туризмом и гостиничным хозяйством. Перед каждым кафетерием, баром или рестораном есть такая же табличка, но вместо розовато-красного – на оранжевом фоне и с большой буквой K, B или R. Но есть и промежуточные категории, например, такие как Br, что означает Бар-ресторан. Мне кажется, что есть и комбинация Rb. Значит, каждый собственник должен ясно и однозначно выбрать, будет ли его помещение в первую очередь рестораном, баром или кафе.

У бассейна – большая доска с правилами. На ней написано:

PROFUNDIDAD DA LA PISCINA 1,8 m, NINOS MENORES DE 6 ANOS DEBEN IR ACOMPAÑADOS POR UN ADULTO, PROIBIDO ANIMALES⁷ и что-то с USOOBLIGATORIO⁸, но не помню чего. На огнетушители между этажей написано EXTINTOR⁹.

⁶ Дачи (исп.)

⁷ Глубина бассейна 1,8 м. Дети младше 6 лет должны находиться в сопровождении взрослого. Вход с животными запрещен (исп.).

⁸ Обязательное употребление (исп.)

⁹ Тушитель (пожара) (исп.)

Когда мы были в торговом центре, я видел такие обозначения как *Entrada, Salida de emergencia, Excepto vehiculos autorizados, Excepto carga y descarga, Propiedad privada*¹⁰.

Говорящих по-английски вряд ли испугает изучение испанского, и то просто так, спонтанно, при чтении на улице.

Entrada – вход. *Salida de emergencia* – запасный выход. Хорошо, слово *Salida* нужно предположить по контексту, но это несложно, так можно понимать и ежедневные разговоры. *Excepto vehiculos autorizados* – только для служебных автомобилей. *Excepto carga y descarga* – Парковка только для погрузки или разгрузки. *Propiedad privada* – частная собственность. Чего здесь непонятного?

Подожди, вчера я фотографировал табличку перед входом в церковь. Сейчас посмотрю. Ах, да:

PAROQUIA DE SANTA RITA
PUNATA BRAVA PUERTO DE LA CRUZ
INAUGURADA EL 24 DE MAYO DE 1981¹¹

Что здесь непонятного? Интересно, что церковь была открыта всего за несколько месяцев до моего рождения.

Может, стоит начать с цифр? Цифры я слышал так много раз, что нужно только разместить их в себе и запомнить некоторые правила. Если я знаю цифры, тогда я справлюсь с целой наукой, причем важной наукой, на испанском языке.

Какой смысл нам переселяться в Испанию, чтобы я и дальше работал там в банке, с цифрами, то, что я больше всего ненавижу? Но это лучшее начало, математика – универсальный язык, и почти никто не любит ею заниматься, а и расчеты, которые я делаю, не настолько сложны. Пока не выучу испанский. А и сколько мы можем ждать? Совсем скоро мы станем людьми среднего возраста, и нам будет сложно создать круг друзей. Может быть, нужно купить хотя бы маленькую *финку*¹², а позже купить дом побольше, а между тем встроиться в общество? Мы настолько любим Испанию, что нам по идее не должно быть трудно запасть в душу испанцев, хотя для всего нужно время.

*uno, dos, tres, cuatro, cinco, seis, siete, ocho, nueve, diez*¹³.
*once, doce, trece, catorce, quince, dieciseis, diecisiete, dieciocho, diecinueve, veinte*¹⁴.
*veintiuno, veintidos, ventitres, venticuatro... venticinco, treinta*¹⁵.

Цифры, по сути, очень логичны. Ах, это интересно, второй десяток мне кое-что напомнил:

*once, doce, trece, catorce, quince, dieciseis, diecisiete, dieciocho, diecinueve, veinte*¹⁶.
*eleven, twelve, thirteen, fourteen, fifteen, sixteen, seventeen, eighteen, nineteen, twenty*¹⁷.

После *quince* идет *dieciousis*, а не *seisce*. Значит, в испанском языке числа от шестнадцати до девятнадцати имеют одинаковую структуру. В английском – от тринадцати до девятнадцати. Да, и в немецком тоже:

*elf, zwölf, dreizehn, vierzehn, fünfzehn, sechzehn, siebzehn, achtzehn, neunzehn, zwanzig*¹⁸.

¹⁰ Вход, Запасный выход, Только для служебных автомобилей, Парковка только для погрузки или разгрузки, Частная собственность (исп.).

¹¹ Церковь Святой Риты, Пунта Брава, Пуертоде лаКруз, Торжественно открыта 24 мая 1981 года (исп.).

¹² Имущество (исп.), но есть и второе значение: (обычно изолированный) дом на природе с сельскохозяйственным имуществом вокруг него или вблизи леса.

¹³ Числа от одного до десяти по-испански.

¹⁴ Числа от одиннадцати до двадцати по-испански.

¹⁵ Двадцать один, двадцать два, двадцать три, двадцать четыре... двадцать девять, тридцать по-испански

¹⁶ Числа от одиннадцати до двадцати по-испански.

¹⁷ Числа от одиннадцати до двадцати по-английски.

¹⁸ Числа от одиннадцати до двадцати по-немецки.

Но потом начинается безумие: *einundzwanzig, zweiundzwanzig*¹⁹... Как двадцать один может начинаться с единицы, чтобы вышло что-то вроде один и двадцать? И я пойму, если это как у французов, *quatre-vingt-six*²⁰, что переводится как четырежды двадцать плюс шесть, потому что у них это хотя бы исключение, но нет, они продолжают эту логику до девяноста девяти. На самом деле, я даже не знаю, что хуже. У французов были и другие исключения, такие как *quatre-vingt-douze*²¹, для девяноста двух, что можно перевести как четыре раза по двадцать плюс двенадцать. Черт побери! Может быть, немцы и больше правы, будучи последовательны со своей логикой до девяноста девяти. Я вспоминаю, что Моника... ах, как красива была Моника... Она рассказала мне, что когда она учила русский, все десятки назывались так, как мог бы ожидать любой, кто знает девять основных цифр, только число сорок называлось *сорок*. Потом, между двумя занятиями любовью, просто ради забавы, мы искали в энциклопедиях, что означает это *сорок*, и оказалось, что это что-то вроде мешка, вероятнее всего, мешок с сорока штуками каких-то плодов, которые русские платили монголам в качестве дани.

Один иранец с моей работы однажды спросил меня, знаю ли я, почему нам, людям, легко все считать десятками, а я не мог быстро угадать. А потом он мне сказал: «Ну, потому что у нас десять пальцев на руках и десять на ногах. Система подсчетов и исчисления за пределами десяти цифр совершенно произвольна, в природе ее не существует. Раньше в Персии люди считали не только на пальцах рук, но и на пальцах ног. Им не нужна была никакая другая математика, часто они просто обменивались продуктами, причем их было не более двадцати единиц, и им было достаточно считать на пальцах». Может быть, поэтому так часто числа от десяти до двадцати, а в некоторых языках даже до ста, лишены последовательной логики. Это те самые цифры, с которыми люди чаще всего сталкивались в повседневной жизни, и не было необходимости называть их в соответствии с какой-то последовательной логикой, и иногда числа получали названия в честь чего-то из природы или из повседневной жизни людей. Например, слово оранжевый. Во всех языках, которые я знаю, название оранжевого цвета происходит от фрукта – апельсина, как будто в мире не существовало ничего оранжевого до тех пор, пока люди не увидели апельсин.

Черт побери! Мне скоро сорок, а я все еще занимаюсь математикой. На самом деле, можно сказать, что я только начал. Сейчас я чувствую, что меня даже хотят повесить. Самая точная наука... Глупости!

Правильно сказал однажды Моррис. Умный художник. Маленький и слегка комичный, но умный. Я не знаю, почему мне всегда кажется, что он как будто жалуется на давление жизни. Моррис сказал, что математика – самая неточная из всех наук, а не самая точная. Не существует ни одной одинаковой вещи, поэтому один плюс один никогда не равняется двум. Два яблока никогда не бывают одинаковыми, по крайней мере, по форме. Нина держала палитру, смешивала краски и сказала ему: «Но ты можешь клонировать яблоко, и оно будет таким же. Если не яблоко, то что-то, что легче клонировать». Моррис улыбнулся своей вечно усталой улыбкой: «Да, но они будут занимать разное положение в пространстве, и все равно не будут одинаковыми». «Я тебя ненавижу», – сказала ему Нина, хотя и посмеивалась из-за мольберта.

Господи! Я не могу выучить наизусть двадцать чисел, а уж написать книгу тем более.

*

Один итальянец полчаса бурчал что-то по телефону. Господи! Он все повторял в трубку: *Anna, Anna*... а потом что-то еще. Его голос был пропитан эмоциями. Человек вроде на отдыхе, так почему он это делает у такого огромного бассейна, да еще и рядом с женой? Она просто молчит под своей шляпой и смотрит сквозь темные очки. Играет широко расставленными

¹⁹ Двадцать один, двадцать два по-немецки.

²⁰ Восемьдесят шесть по-французски.

²¹ Девяносто два по-французски.

ногами, ударяет коленом о колено. Человек все кричит и кричит, повторяет *Anna, Anna...* а потом добавляет что-то еще, убеждает. Если это деловой разговор, то эта Анна, если, конечно, она подчиненная, должна бы уже послушать его после стольких повторений. Если она бизнес-партнер, тогда этому пятидесятипятилетнему мужчине, а может быть и шестидесятилетнему, не стоило бы так сильно настаивать. Это может отвратить ее от любых намерений по дальнейшему сотрудничеству. Потом я напряг слух, чтобы понять, добавит ли он к Анне *cara*²². Но я его не услышал.

Я налил себе в стакан еще Риоха Крианца. Когда я пью дешевое вино, то наливаю его в деревенский стакан. Я так называю обычный стакан для питьевой воды: низкий, без какой-либо текстуры, тонкий, без ножки. Я также нарезал себе *manchego*²³. Томми спит на мне, время от времени просыпаясь. Похожу кругами вокруг стола, чтобы он окончательно не проснулся. Итальянец не унимается. На этикетке вина золотыми буквами написано:

ESTA VINO HEREDA LA TRADITION Y EL ESPIRITU DE UNA DE LAS REGIONES ELABORADAS MAS ANTIGUAS DE EUROPA Y CONTIENE UN POCO DE SU HISTORIA²⁴.

Что здесь непонятного? Наконец-то солнечно, и мы можем видеть горы над нами. Я удивлен, что даже здесь, в северной части острова, где может расти буйная растительность, природа не предоставлена сама себе. В направлении бордовой фазенды, вдалеке за ней отчетливо видны рощи, как будто границы Чада или Мали в Западной Африке. *Anna, Anna... Anna, Anna...* Кажется, что лес раскинулся свободно, но в одной его части, недалеко от группы в основном белых домов, растет темно-зеленая роща, населенная людьми. Две прямые линии отделяют ее от остальной части широкого светло-зеленого леса. А потом идут эти складки, эти борозды, когда окидываешь взглядом пейзаж до вершин направо, там, где находятся белые цилиндрические здания обсерватории. Гребень постепенно поднимается, а борозды иногда очень широкие, как воронки, а иногда очень узкие и раздутые, словно вход в женское лоно. Там, наверху, светятся белые цилиндры. Гордо. Мистические, в бледном тумане тепла. Внутри сидят те, у кого холодная голова, кто умён и иногда без работы, потому что небо здесь часто темное.

Anna, Anna... Anna, Anna... Но я не хочу идти внутрь, останусь на террасе. Мне видно, что на полу распростерта книга «*Настоящая жизнь Алехандро Маяты*»²⁵ (мне тяжело видеть книги в недостойном положении – Дани использует ее как трамплин для своей машинки на пульте управления), носочки Томми на обеденном столе, несколько кабелей свисают с розетки, и при этом к ним не подключен ни один прибор, Дани оставил свои плавки посреди коридора.

Итальянец не останавливается. Сейчас он вспоминает какие-то числа, что-то из трех цифр, но не упоминает то слово – *cara*, хотя его голос настолько мил и убедителен, что я все больше убеждаюсь, да нет, я уверен, что *Анна* – дочь того итальянца и дамы в шляпе рядом с ним, которая даже не добавляет ни слова, в то время как тот громко разговаривает. Вот она, как будто я ее сглазил, сказала что-то, что, похоже, подтверждало то, что говорил ее муж, потому что он повторил это как новый аргумент по телефону.

«*Острова в океане*» хорошо идут с Риохой, пока я кружу вокруг стола. Сейчас я читаю третью часть последнего непрочитанного романа Хемингуэя. Он снова о войне. Он с легкостью возвращает меня к его ранним произведениям. Он умеет писать о войнах интересно. Я вижу белые дома, разбросанные по склонам, *Anna, Anna... Anna, Anna...* Я думал, испанцы говорят

²² Милая (итал.)

²³ Сорт испанской овечьей брынзы.

²⁴ Это вино унаследовало традиции и дух одного из старейших винодельческих регионов Европы и содержит в себе часть его истории (исп.)

²⁵ Книга Марио Вергаса Льосы

sierra о горе, но они говорят *montagna*, а *sierra* означает «пила». Наверняка, там, где используют слово «*sierra*», например, в Сьерра-Невада, это означает, что горные вершины настолько остры, что напоминают пилу.

Пожилая женщина поднимается по ступенькам к бассейну. Позор ему, если он не прекратит болтать из-за ее присутствия. Пусть продолжает в Италии, но здесь он не может, не может быть уверен, что женщина итальянка, а и, скорее всего, это не так. В мире гораздо больше неитальянцев, чем итальянцев, и многим из этих народов не все равно, если кто-то говорит громко в то время как другие отдыхают у бассейна.

Он продолжает с трехзначными числами, с названиями валют, по отношению к Анне не упоминает *cara*, но убеждает, умоляет, вообще не знаю, что еще делает. Через несколько секунд он остановился. Я заметил это, потому что стало легче читать. Я посмотрел, он лег рядом с женой и продолжил бормотать о чем-то с ней. Она снова экономит слова, но поддерживает его разговор. Благослови тебя Господь, женщина, ты спасла мой день, придя сюда.

*

Вид с западной стороны совершенно другой. Гора темная и каменистая, очень похожая на то, что люди представляют себе, когда речь идет о вулканической горе. На самом деле это не гора, а всего лишь шупальце, тянущееся к океану, хребет, который ныряет в воду, но удачно занимает весь левый угол картины. Вдоль хребта стоят дома, много домов, а в долине под ними нет ни одного. Кажется, как будто все хотели жить только на хребте, чтобы ветер бил их с обеих сторон, просто чтобы они могли улыбаться пейзажам с обеих сторон. Напоминают пейзажи деревень южной Италии. Ниже деревни находится Тоскаль. То, что я вижу, сидя на западной террасе – это лишь небольшая красивая часть Тоскаля. Большой желтый дом, рядом с ним еще один розоватый дом поменьше и еще несколько белых позади них. С несколькими кустами алоэ вера и пальмовыми деревьями вокруг они образуют композицию, напоминающую акварели Гессе, когда он путешествовал по Италии. Яркие цвета, густо наложенные один рядом с другим, одинаково ясные, они как будто соревнуются, но ни один не может победить. Обычно, куда бы мы ни посмотрели, всегда есть преобладающий цвет или, по крайней мере, несколько цветов, но на Канарах все цвета равны.

Справа из океана выступают два здания отеля *Maritim*, сначала низкое и широкое, а потом другое, высокое и узкое. Когда приближаешься к низкой каменной ограде с другой стороны бассейна вдоль небольшого газона, не знаешь, чего ожидать. Ты уверен, что там нет бейсбольного поля, потому что ты все-таки еще в Европе. Но нет. Там все же есть бейсбольное поле без скамеек для публики, с высокими прожекторами и высоким забором, чтобы мячи быстро не израсходовались. Сейчас этот вид высокого и узкого здания отеля с правого края рамы определенно напоминает мне Кубу. Я знаю, что на Кубе бейсбол – важный вид спорта, а высокий *Maritim*, построенный когда-то в девяностых, напоминает мне те простые, модернистские отели, которые построили кубинцы, узнав, что им придется жить туризмом.

На картине доминирует бассейн перед нами, он небольшой и окружен газоном. Перед нашей входной дверью растет молодая пальма. К душу ведет узкая каменная дорожка, из того же черного камня, из которого сделана стена соседнего дома. Над нами растет еще одна пальма, гораздо старше нашей, и когда я плаваю в бассейне, она создает во мне еще более прекрасное и теплое чувство. Некоторые лианы спускаются по живой изгороди и даже спускаются на камни и вторгаются на нашу территорию. Когда плаваешь, радуется не только растительность, но и сама вилла, в которой мы живем. Мебель старая, единственное, что мне нравится внутри, – это плетеное кресло, которое как будто сделано из волокон конопли, которые цепляются за свитер, ну и ладно. Мебель старая, но о ней забываешь, когда ты в бассейне и смотришь на современный фасад виллы. Она двухэтажная, простая, но с одним сюрпризом – крутым треугольным бетонным отрезком над крыльцом, который служит козырьком, скорее для защиты от солнца, чем от дождя, хотя солнце доходит сюда гораздо позже своего зенита, а тогда оно уже совсем ручное.

Но настоящая жемчужина всего проекта – коридор, который ведет к нашей входной двери. Мы живем в четвертом номере, последнем, и поэтому проходим через весь коридор. Он длинный, покрытый такой же толстой бетонной плитой, но не полностью, над половиной коридора открытое небо, и в зависимости от того, где ты находишься, создаются разные ракурсы между бетонными прямоугольниками, висящими на столбах. Иногда в эти бетонные рамки попадает часть высокой пальмы с соседней виллы, иногда виднеется небольшая часть горной деревни на хребте, крыша соседней виллы, но голубое небо как фон для этих мелких деталей в прямоугольных рамках всегда создают маленький модернистский рай для фотографов, которые могут находить здесь все новые и новые ракурсы. Перед входными дверями четырех домов и между ними стоят горшки с низкими деревьями, а с другой стороны – кусты с большими листьями, похожими на гигантские листья фикуса. На них клей, похоже, они выделяют какое-то вещество. Среди всех этих листьев вчера я заметил всего один цветок. Впервые. Это то растение, цветок которого похож на редкую птицу из джунглей, у него как будто есть клюв и жесткий хохолок торчком. Кажется, как будто один из листьев внезапно раскрылся и выпустил желтый цветок с синими узорами. Цветок не отделен от листа, а как будто рождается в клюве, похожем на клюв аиста. Лепестки цветка раскрываются вертикально и асимметрично. Это пока единственный образец асимметричного живого организма, который я видел лично. Может быть, это эндемичный вид. Здесь, на мраморном полу, я бы сидел и читал книги. В тени коридора я могу носить Томми, пока он спит днем, и читать на ходу. В этом коридоре я бы не стал читать ничего, кроме «Спроси у пыли». Да, я читал бы Фанте и наслаждался бы игрой теней от воды в бассейне, проецируемых на стену у входной двери. Как сейчас.

*

«И почему ты шел зигзагом по воображаемому серпантину? Чтобы почувствовать, каково это – быть таким, как они?»

«А ты-то, как ты увидела, что я это делал?»

«Через окно между лестницами, как Пилар».

«Почему ты так сильно задержался? Мне было скучно, поэтому я начал в это играть. Знаешь, мышцы действительно не болят, особенно если делать много поворотов. Получается, как будто идешь по прямой улице. Если у тебя полно времени и тебе не скучно поворачивать налево и направо, тогда это имеет смысл».

Сейчас они пошли прямо наверх. Пелла увидела белые пятна на асфальте слева от себя. «Это от голубей», – подумал она.

Он остановился. «Думаю, они входят сюда. Да, конечно, потому что следующий вход почти в самом конце улицы». Он засмотрелся на высокий металлический забор, который был намного выше того, что окружал их двор. Затем он рассмотрел длинный коридор.

«Вот здесь он гуляет с ребенком в полдень и читает книгу».

«Ага», – подтвердила она и посмотрела в коридор.

Он всё стоял. Она не заставляла его уйти, но он почувствовал себя как-то неэтично, потому что у него был свидетель, пусть даже и она.

«Сегодня суббота. И утро раннее. Мало кто проснулся», – оправдывался он. «Давай, поднимемся еще немного, потом повернем направо, вниз по ступенькам».

«Здесь есть ступеньки? Мы живем здесь столько времени и до сих пор о них не знаем».

«И я узнал о них совсем недавно».

«Хм, а здесь, оказывается, красивый вид. Лишь бы только этот терьер перестал лаять, чтобы мы смогли им насладиться».

«Он принадлежит французам. Из этого дома».

«Французам? Да ты уже все здесь знаешь».

«Да», – улыбнулся он, немного гордясь собой, но и немного смущаясь.

«О, я только что заметила, здесь и бейсбольная площадка есть. Кто, черт возьми, играет в бейсбол на Тенерифе?»

Он ничего не ответил, а просто медленно спускался по ступенькам. Он остановился на предпоследней, перед началом ровной плиты, откуда вели новые ступени. Он повернулся направо и стал за чем-то наблюдать. Она продолжала смотреть вверх, в сторону горы. Она видела, как он приподнялся на ступеньку повыше, словно что-то измеряя, а затем снова спустился вниз.

«Отсюда очень хорошо виден Тейде», – улыбнулась она. Он молчал. «Как ты думаешь, он бы выходил смотреть на Тейде каждое утро, когда солнечно и нет облаков?» спросила она.

«Я как раз это и проверял. Видно ли Тейде с этой высоты?» – улыбнулся он. «Да, я думаю, он человек именно такого типа». Она обняла его за шею. Прядь ее волос попала ему в глаза.

Внезапно, метрах в двух от них появилась человеческая тень. Они посмотрели наверх, на стену из черных камней, и увидели мужчину в коричневой футболке, державшего на руках ребенка. Малыш все еще был сонным, тер глазки, но не плакал.

Его сердце сжалось, он испугался, хотя и не мог сказать, почему. Человек не смотрел в их сторону, он вытирал ребенка, но когда он повернулся к ним, они первыми сказали: «*Hola*²⁶», а он им ответил, чуть равнодушно, но доброжелательно. Он не видел ее, потому что она стояла выше на лестнице, но она долго смотрела на ребенка, а потом и на него и, наконец, улыбнулась ему. Человек снова стал смотреть на ребенка, а они продолжили спускаться по ступенькам.

Когда они спустились еще на несколько ступенек и скрылись из виду мужчины с ребенком, он прошептал: «Думаю, я был прав, он выходит всегда, когда можно посмотреть на Тейде».

Она погладила его по шее в знак одобрения.

«Странно, а почему они не поднимаются по этим ступеням?»

Пока он ей объяснял, она подумала: «Может быть, он узнал меня, потому что задержал на мне взгляд немного дольше. Я знаю эти мужские взгляды».

Потом она сжала руку идущему рядом с ней, и они медленно продолжили спускаться к океану.

*

«А ты раньше видела, как они поднимаются, но не зигзагом?» – отец спросил ее в следующий раз, наблюдая, как они поднимаются.

«Нет», – ответила Пилар. «Наверное, я их заметила, потому что они шли влево-вправо, а не прямо вверх, в гору, и они привлекли мое внимание. А, нет!» – она подняла указательный палец вверх. «Сначала шел он, папа ребенка. Он был с ним один. Первые два-три раза он толкал коляску и шел с ней зигзагом. Я думала, они сделали это только один раз, но на следующий день я снова их увидела. Иногда ребенок плакал, и он брал его в одну руку, а другой толкал коляску. Если ребенок плакал, и его приходилось брать на руки, иногда они переставали идти зигзагами, а очень медленно шли прямо вверх по склону. Медленно, но прямо. В последующие дни и мама со старшим ребенком шли за ними. В первый раз, когда я увидела их всех вместе, они шли близко друг к другу, но потом, в последующие дни, казалось, что они идут по этому воображаемому серпантину по улице, каждый на разной высоте. Иногда первым шел папа с коляской, иногда старший сын. Они менялись. И вот я стала каждый день ждать, когда они появятся. И теперь они каждый день поднимаются так».

«Но они ведь не всегда появляются в одно и то же время, или...?»

«Ну, в общем-то, всякий раз, когда солнце уже село, но еще не темно».

«Значит, около...»

«Около 8:30».

*

²⁶ Здравствуй (исп.)

Сегодня, когда мы вернулись домой после плавания, я заметил, что мне на спину налипло много соли. Иногда она сильно прилипает и раздражает меня, а иногда не прилипает вообще. Они еще не приехали, приедут завтра. Тогда Дани не будет так скучно.

На пляже был ребенок с синдромом Дауна. Я заметил его, когда он входил в воду, сзади, по форме спины.

Когда я вошел в воду, то почувствовал себя свободным. И сильным. Алина и Дани поплыли первыми, а я держал Томми. Они плавали полчаса. Я долго ждал в теплой тени, и мое тело от радости стало сильным и крепким, пока я входил в воду. Я заплыл далеко, туда, где плавал только один человек. Я наблюдал за маленьким castillo²⁷. Он такой маленький, что даже смешно. Что он защищал и когда защищал? Темный куб размером с современную двух-этажную квартиру, с двумя белыми колоннами, такой же высоты, как и сторожевые башни. Но он подстегивает мое воображение.

Волны были не очень высокими, но казались широкими и глубокими. Океан не может быть спокойным, но я этого и не ожидал. Когда он немного дикий, как сегодня, и когда я плыву на глубину в направлении горизонта, мне в голову приходят две мысли. Первая – о том, что я пока что не работал на океанском лайнере. Я хочу работать матросом, у больших турбин под палубой или в ресторане, а не быть гостем. Вторая мысль – о Монте-Кристо, когда он сбежал из тюрьмы. Когда мы приехали, я весь день размышлял о том, почему я не взял с собой «Приключения Артура Гордона Пима»²⁸²⁸. Пока мы были дома, я знал причину. Автор очень мрачный, и я знал, чего ожидать дальше, а на Канарах, со всеми их красками... Я не хотел убивать все эти краски. Кроме того, обложка издания «Пингвин»²⁹ вся черная, напоминает мне о кошмаре. «Пима» я буду читать дома, когда начну забывать океан, и это поможет мне оживить его.

Я продолжил плавать. И тут увидел среди волн голову. Она время от времени появлялась, но как только находила новая волна, она исчезала. Когда она снова появилась, я ее не узнал. Это была голова женщины с длинными волосами. Когда я подплыл к ней поближе, я увидел, что ее плечи обнажены, но когда она взмахивала руками, я заметил, что и ее грудь тоже видна. Она плавает одна, далеко от берега, голая. Ее грудь колыхается в воде. Волны все еще накрывали ее время от времени, но теперь я узнал ее: это была женщина, которая вычищала песок из-под трусиков в душе. На ней были большие серьги-кольца. Не знаю, почему такие серьги всегда казались мне чем-то промискуитетным. Они просты, подчеркивают глаза и очень женственны. Среди волн она снова мне улыбнулась. Я почувствовал особую близость к ней, там, в воде, среди волн.

Вернувшись на берег, я продолжил разглядывать голых испанок. Почти каждая пятая – в одних трусиках. А ее я потерял из виду. Я огляделся, но нигде ее не заметил. Что до меня, так испанки – не самые красивые женщины в мире. Я знаю, что ко всем проявлениям красоты нужно привыкать. Их лица очень разные, в них как будто нет ни одной повторяющейся черты, как у женщин, к красоте которых я привык. Я знаю, что их груди очень разные, как и у всех женщин. Но эти умеют их носить. Это делает их еще красивее, как бы они ни выглядели.

Даже на пляже я думаю о Голдмунде³⁰. И о смерти. Человек – существо крайностей. Человек – существо противоречий, но он также существо крайности, высшей логики. Если логику невозможно усовершенствовать до конца, тогда ее следует разрушить. Воплотить в жизнь ту самую логику, которую он так старался оправдать. Если все люди смертны, а я человек, зна-

²⁷ Замок (исп.)

²⁸ Книга Эдгара Аллана По.

²⁹ Penguin Classics, издательский дом со штаб-квартирой в Лондоне.

³⁰ Златоуст из романа «Нарцисс и Златоуст» Германа Гессе

чит, и я смертен. Если я человек и создаю человека, а я смертен, то и созданный мною человек тоже смертен. Зачем мы это делаем? Какие же мы неудачники! Как кто-то может думать, что можно быть богатым или могущественным, что существуют инновации, прогресс. Кто-то изобрел эликсир? Нет. Тогда мы все еще неудачники, как и прежде. Все. Я не признаю никаких инноваций, никакого прогресса, обогащения или улучшения жизни, как бы вы это ни называли... Но что еще важнее: какова конечная цель? Чего мы должны достичь? Человечество ничего не делает, кроме как рождается и умирает, но кто наш противник, чего нам нужно добиться?

Если единственная вещь, которую логично делать – поддерживать жизнь посредством ее сохранения и размножения, то тогда до сих пор мы преуспели только в этом и ни в чем другом. На самом деле нет смысла что-либо улучшать, надо просто жить, без размышлений, демонтировать все, все делая нелогичным, жить нелогично. Нашел ли ты что-нибудь, в чем до сих пор было что-нибудь логичное? Не ищи его больше, отпусти его! Обычно логичным бывает то, над чем ты очень долго трудился. Не трудись больше над этим, устрани его логику!

Я не видел ее до самого конца дня на пляже, не знаю, как такое может быть.

*

И бананы – это тоже разновидность пальмы. И у них есть такой лист, который раскрывается и превращается в новую ветвь. Поэтому я и думаю, что это пальмы. Вчера, когда мы шли через плантации к отдаленному пляжу на другом конце города, я впервые вблизи увидел, как растут бананы. Каждое дерево высотой с человека, и у него всего несколько листьев, но каков цветок: большой бордово-фиолетовый, размером около сорока сантиметров, он вырастает из середины дерева и тянется вниз, к земле. Бананы – по сути пестики цветка этого дерева, по крайней мере, мне так кажется. Это не плоды, а часть репродуктивных органов дерева.

*

И вот попробуй объясни, что это было! Солнце светило очень ярко, я весь вспотел. Моя футболка и новые бермуды были полностью пропитаны красным вином. Томми постоянно совал в рот песок, а Алина все время поглядывала на нас и была недовольна каждым взмахом ладошки Томми, направленной ко рту. Алексей все время смотрел на нас, словно выискивая недостаток. То, в чем до вчерашнего дня не было ничего страшного, теперь казалось странным.

Потом было это головокружение, я был обезвожен и устал от того, что носил повсюду Томми. Последовали вопросы, один за другим, я не мог сосредоточиться, не мог ловко избегать ответов, я не понимал, куда они меня ведут. От последнего вопроса я так устал, что мне больше не хотелось разговаривать. Когда мы вернулись домой, у меня уже тогда шумело в ухе, и мне хотелось, чтобы меня оставили в покое, не хотелось ни с кем разговаривать, чтобы в левом ухе не отдавалось эхо, а просто заткнуть его и лежать на нем. Потом я захотел лечь спать очень рано, в другой комнате, в комнате Дани. А когда я проснулся, у меня в голове все еще была эта козья морда. Почему она задавала мне столько вопросов о каждом фрагменте моей жизни? Я спустился вниз, потому что у меня кружилась голова и меня тошнило. Вокруг меня было мало звуков, и я не мог понять, прошло ли ухо или нет.

А потом, Алина, последовали твои детективные вопросы. И это довело меня до того, что я рассказал все. Ты довела даже до того, что я сказал и то, чего вообще не хотел говорить, и потом нам было трудно выбраться из круга, который мы сотворили. Я повторял, что не могу сосредоточиться, что мне нечего ни от кого скрывать, что молчание не означает, что чего-то не произошло.

Потом заболела голова у тебя, а у меня все прошло, но хотя я и вылечился, до конца вылечиться все же не мог, пока мы не вылечили тебя.

Как что-то подобное могло вырвать нас из повседневности? К настоящему моменту это уже должно было стать мертвой историей. И стало. И у меня были оправдания. По сути это и не

оправдания вовсе, это были объективные ограничения на тот момент. Я перепробовал много мест. Позже, размышляя о том периоде, я вспомнил, что подавал заявления не только в книжные магазины, но и в супермаркеты, и на ресторанные кухни. Но в Германии таковы правила: для всего нужно соответствующее образование, и ничего, кроме этого образования. Никто не дал мне шанса. Я бы никогда не пережил этого унижения, если бы это не было неизбежным. Он сказал: «Алина молодец, что выдержала этот период». Это не так плохо, как прямое обвинение в моей предполагаемой неспособности быть мужчиной, но и не так обидно, как: «Молодец, что выдержал этот период». Кто на самом деле выдерживал, она или я? О, если бы у меня была возможность так бороться за свою семью!

К полудню все у нас прошло, как ни в чем не бывало. Ну же, объясни мне, что это было!? Ухо не болело, голова не кружилась, меня не тошнило. Мы пришли к выводу, что должно быть, я чем-то отравился. И голова у тебя тоже больше не болела. Мы читали факты о Тенерифе, и все нам казалось интересным.

Ты сказала, что я всегда нахожу время в отпуске, чтобы впасть в такое настроение, которое испортит и твое. Я ответил тебе, что только в отпуске у меня есть столько времени, чтобы думать об этом, и поэтому давление на меня растет, и поэтому я больше думаю, но я думаю, я не в депрессии, как ты это называешь.

И теперь, если хорошо подумать, зачем все это? Почему та часть нашей жизни, которая закончилась четыре года назад, сейчас снова для нас важна? Истории из прошлого имеют вес только в том случае, если они имеют что-то общее с настоящим, но я не мог вспомнить ничего похожего на тот период. Из разговора я понял, что и ты ничего такого не почувствовала. Мы были уверены и даже убеждены в своих возможностях. За последнюю неделю мы занимались любовью трижды, мы давно так не любили друг друга, как в этом месяце.

А Алексей, это он должен извиниться передо мной за то, что его биография не так интересна мне, как, вероятно, моя ему.

Меня это все еще немного беспокоит. Это значит, что мне стыдно, несмотря на то, что у меня есть оправдание, и оно не выдуманное, а основанное на фактах. Это значит, что я настолько высоко морален, что готов даже признать грех, которого не совершал, что-то вроде первородного греха, хотя с тех пор, как я стал взрослым, одним из главных принципов моей этики является то, что первородного греха не существует, и не только на теоретическом уровне. Короче говоря: я не виновен ни в чем, чего я не делал. Может быть, именно поэтому я не патриот и ненавижу национализм, не потому, что тогда мне придется признать, что во многих отношениях я уступаю, по крайней мере, представителям двух-трех стран, а потому, что я не хочу брать на себя ответственность за те жестокие убийства, которые совершили мои предки. Я также не хочу признавать, что являюсь жертвой в новейшей истории, в которой мы проиграли все войны.

А Дани сегодня очень распереживался после того, как мы долго ругались. Он спросил нас: «А я в этом виноват?» Бедный мальчик уже достаточно подрос, чтобы отличить большую ссору от маленькой, но не настолько, чтобы понять, кто за нее отвечает. И мне было жаль, что, он, наверное, винил в этом себя. Мы не должны допускать, чтобы с нами часто такое случалось.

Мне кажется, что я понял, почему я не был бы удовлетворен, если бы у меня не было оправдания. Это означало бы, что на каком-то витке нитки моей жизни я не был в состоянии обеспечить свою независимость, что без поддержки кого-то другого (что хуже всего – моей жены, которая должна была ожидать от меня именно такой поддержки) я не смог бы стать тем, к чему я так стремлюсь сегодня, – художником, живущим своим искусством.

*

Пока Томми спит на мне, а я читаю в коридоре, работает фильтр, очищающий бассейн. Его постоянство меня успокаивает. Помню, что я заметил это на третий день нашего пребывания здесь. Я заметил, что что-то постоянно жужжит, когда я плаваю. Я не понимал, откуда

доносится этот звук. Я сказал себе: черт возьми, мне придется привыкнуть к тому звуку, который нарушает мой покой. От такого постоянного шума на Ландсбергер Аллее мы и сбежали на Тенерифе. Позже, когда я писал на западной террасе, я заметил, что поверхность бассейна не всегда движется, иногда она почти совершенно ровная, а иногда создается впечатление, будто дуешь на пенку на горячем молоке. Когда бассейн выглядит так, это происходит из-за двух фильтров, которые выпускают воду в бассейн, тех самых двух маленьких кружочков слева и справа от трех полукруглых лестниц, по которым мы спускаемся в бассейн. Я также заметил и то, что когда из них выливается вода, жужжание раздается из-за двери напротив третьей квартиры. На двери висит табличка с надписью: «Вход с собаками запрещён». Однажды, когда мы вернулись с пляжа, садовник, который следит еще и за чистотой бассейна, открыл дверь, откуда доносилось жужжание, и тогда мне стало ясно, что это был фильтр для воды.

Сейчас я уже привык к этому жужжанию. Оно успокаивает меня, особенно по утрам, когда я укладываю Томми спать, и мы совершаем круиз по коридору. Может быть, это успокаивает меня, потому что напоминает мне, что так много процессов было автоматизировано, чтобы мы могли наслаждаться нашим отпуском. Холодильник, стиральная машина, посудомоечная машина, автоматическая очистка воды для плавания... и все это без эксплуатации кого-либо, без чувства вины.

*

«Я хочу уловить природу смерти».

«Но зачем тебе это?» – спросила Пелла.

«Я думаю, если я уловлю природу смерти, то я пойму природу жизни. Жизнь – это всего лишь противоположность смерти. Я бы назвал его «Третья скала» или «Последняя скала». Таким образом, точно будет ясно, как заканчивается роман, и не было бы двусмысленности относительно того, что произошло в конце. Но я не уверен, что у нее будет такое название».

Он отпил кофе.

«Я мог бы закончить и так: «Алина думала о том, как бы...» и здесь я бы прервал предложение, и читатели должны были бы представить весь ужас, который Алина переживет позже. Как она громко кричит, и смотрит вниз на скалы, и ничего не видит, но ей ясно, что они мертвы, или что мертв только он, ее первый сын, хотя я думаю, было бы лучше, если бы унесло их обоих, и тогда она остается одна с малышом на руках, и всего через несколько часов кто-то, кого позвал непрекращающийся плач ребенка, приходит, чтобы отвезти ее, обезумевшую, в больницу. Им придется представить, как она возвращается домой на самолете с малышом на руках, и как она продолжает жить дальше. Некоторые будут думать, что она не сможет представить свою жизнь без них, и когда она их увидит, то бросится со скалы вниз головой. Некоторые будут думать то же самое, но они скажут себе, что она бы не сделала этого ради маленького ребенка, разве она оставит его одного на Земле и бросится вниз? А если ей на помощь придут люди, они больше не подпустят ее к пропасти. Им придется представить, что однажды, когда она будет одна на кухне и будет готовить, она включит музыку Каэтану Велозу... К тому времени ребенок станет подростком, а ее красота увянет, и она так и не выйдет замуж.

Пелла нахмурилась, казалось, как будто она только что попробовала лимон. «Но разве не лучше было бы не писать это предложение: «Алина думала о том, как бы...»?»

«Было бы гораздо лучше, если бы я его не написал, но тогда я не уверен, что люди поймут, что случилось после».

Она хотела что-то сказать, но он ей не позволил: «Да, название предполагает это, но мне кажется, что, по крайней мере, половина читателей этого не поймет. А это не так мало».

«Но так ты лучше сможешь уловить природу смерти, разве нет?»

Он задумался. «Думаю, что да. А почему ты так думаешь? Мне просто интересно, одинаковый ли у нас аргумент?»

«Да потому что смерть – это то, о чем мы не знаем, как она выглядит, то, о чем мы ничего не знаем, что приходит безо всякого предупреждения. Если ты напишешь: «Алина думала о том, как бы...», то это предвестник того, что пришла смерть».

«Да, но для кого пришла? Для живых, для тех, кто стал ее свидетелями. За мертвыми, она пришла и забрала их с собой, они не знают, что такое смерть, и не могут ее испытать. Они испытывали боль, пока падали и когда ударились о скалы внизу, пока жизнь внутри них не погасла. Это все, что мы знаем. Поэтому добавление: «Алина думала о том, как бы...» ничего не добавит к тому, что такое смерть, кроме как прояснит для некоторых читателей, что же на самом деле случилось».

«Да, но так ты ослабишь эффект от прихода смерти. Ты достаточно намекнул на это в названии, так что в конце тебе это не нужно. Смерть обычно внезапна, и если ты снова намекаешь на нее таким финалом рукописи, то ты лишишь ее одной из ее характеристик».

«Знаешь, в наши дни большинство людей все-таки умирают старыми, в больнице, в предсказуемое время и после долгой борьбы со смертью».

«И я думала об этом, но ты в романе хочешь показать необычный случай, шокировать читателей...»

«Хорошо, но я не уверен, хочу ли я назвать роман *«Третья скала»* или все-таки *«Последняя скала»*. Это еще одна проблема. Если я дам ему другое название, то, мне кажется, придется оставить это: «Алина задумалась о том, как бы...» или что-то в этом роде, чтобы дать им какой-то намек».

Она задумчиво кивала. Чуть позже она спросила его: «А почему ты так заиклен на этой идее внезапной смерти самых близких людей? Может быть, ты убьешь только одного из них? Если бы тебе пришлось убить только одного, кого бы ты выбрал?»

«Первого сына».

«Почему? Почему такая трагедия? Почему не мужа?»

«Кажется, я не рассказывал тебе о Флавии, да?»

«О девочке твоих соседей, у которой тоже было генетическое заболевание?»

«Да».

«Рассказывал».

«Какой смысл может иметь жизнь после этого? В твоей жизни появился ребенок, прожил несколько лет и ушел, а ты продолжаешь жить с теми же людьми, с которыми жил раньше. Что это за жизнь после этого? Так можно сказать, что существует несколько степеней жизни. Когда, скажем, ты испытываешь оргазм, ты полностью жива, когда возвращаешься с работы на автобусе, ты менее жива, а когда ты, скажем, в тюрьме, то ты полумертва. Но когда умирает кто-то, кто тебе так дорог... При этом молодой... Вот, тогда ты живой мертвец. Я могу понять любое божье наказание, но этого я не понимаю. Чему человек может научиться из чего-то подобного? Можно ли научиться жить лучше после такого, или как?»

*

Она подошла к нему сзади, а он продолжил писать.

«Вот тут ты пишешь о пальмах, которые выглядят как «кольца, которые некоторые женщины Юго-Восточной Азии носят на шее», где «длинные женские шеи – эротический стимулятор», а потом пишешь, что они похожи «на сорокалетних женщин в обтягивающих платьях». Что ты хочешь этим сказать? Что это женщины, которые уже рожали, с широкими бедрами, которые все еще хотят быть привлекательными?»

Он притянул ее к себе и поцеловал ниже талии. «Милая, я не говорю, что все женщины должны быть такими в этом возрасте, но я думаю, большинство поймет, что я хочу сказать».

«Хм, ну, раз так, то почему ты не написал, что после того, как у обычных пальм срежут их старые листья, через несколько лет многочисленные небольшие остатки ветвей, остающиеся на верхушке пальмы, напоминают тебе груди Артемиды?»

Он посмотрел на нее снизу вверх. «Ты имеешь в виду многочисленные груди Богини-Матери?»

Она кивнула.

«Отлично. Люблю тебя».

«Иди к черту. У тебя все сводится к сексу», – она взъерошила ему волосы и улыбнулась ему.

*

Ее груди были длинными и узкими, но упругими, как у женщин со сводов Сикстинской капеллы, только без мужественных рук и ног. Они выглядели так, будто их на нее надели, словно они были намного меньше до того, как она стала матерью, и словно маленький ребенок растянул их от долгого сосания. Но ее фигура была совершенно женственной, с темной загорелой кожей, и рост у нее был небольшим, я мог бы взять ее всю только одной рукой и поднять. Волосы у нее были длинные, почти до локтей, но она носила их собранными, и они лежали между лопаток, может быть, потому, что были мокрыми. Но ее груди как будто выростали из нее, с большим расстоянием между ними, с мощными грудными костями, такими же темными, как и все остальное ее тело, что означало, что она загорала этим летом раздетой. Обычно меня привлекают девушки с белой грудью и загорелым телом. Я не понимал, почему они так делают, как будто сначала они стеснялись и носили верх от купальника, а потом перестали стесняться и стали загорать голышом, но теперь я уверен, что они делают это намеренно, и что они вообще не стеснялись, а на самом деле они еще более бесстыжие, чем те, кто сразу начинал загорать голышом, потому что просто хотят привлечь внимание контрастом.

А потом она отряхивала песок вокруг своих трусиков, перед своим маленьким ребенком, перед всем миром... А я смотрел на нее так, словно никогда ничего подобного не видел, и она увидела, что я чересчур любопытен, и сбавила темп, но не перестала этого делать. Он даже засунула руку под трусики, чтобы вытряхнуть песок. Потом я увидел, что все испанцы так вытряхивают песок, как будто не могут подождать и сделать это дома, песок ведь чистый, это вулканические камни, перемолотые волнами, а не пыль от обычного песка, который привозят грузовики.

*

«Я имею в виду, посмотри на этих людей. Вот, возьмем, например, футбол. Сколько людей, готовых навсегда уйти с работы, чтобы посмотреть матч в прямом эфире, вообще знают, как появился футбол? Что ты смеешься? Разве я не рассказывал тебе об объявлении в «Эл Мундо»³¹? О человеке, который написал, что променял бы свою работу на билет на матч Реал – Барселона? Это было несколько лет назад...»

«Нет, хотя я могу себе представить, что это за работа, если ее так легко отдать кому-то другому. Но я тебя понимаю, неважно...»

«Например, кто-нибудь когда-нибудь задумывался, существовала ли подобная игра раньше или ее придумали случайно? Изменились ли правила за эти годы? Нет. Ничего из этого их не интересует. Если они пьяны, то готовы и жизнь отдать за клуб, за игру, на исход которой они не имеют никакого влияния. Это называется слепотой. Так устроена природа, она не спрашивает слишком много о прошлом, у нее нет плана, она не видит никакой зависимости от истории, а только слепо смотрит вперед и все, что она знает, – это прорываться. И если где-то не получается, она не отчаивается, получится в других местах».

*

«Мили, ярды, футы, градусы Фаренгейта... Какого черта у них нет еще и других единиц измерения вместо часов и минут? Почему у них есть 12 месяцев и 365 дней в году? Они должны отличаться во всем».

³¹ Испанская ежедневная газета

«А почему ты так нервничаешь?»

«Да потому что я почему-то я знаю, сколько составляет миля, но не знаю, сколько это – десять футов, например».

«А что ты читаешь?»

«*Спроси у пыли*» Фанте.

«Кто такой Фанте?»

«Американец. Он пишет о Лос-Анджелесе тридцатых годов. Ты должна его знать. Ты любишь американских писателей».

«Нет, я не слышала о Фанте. Она интересная?»

«Он учился у Гамсуна».

«Ну, вот, а Гамсун кто такой? И сколько книг ты взял?»

«Пять».

«Пять! И ты читаешь их все одновременно?»

«Да. Я хотел взять еще две, но они мне не подошли».

«Не подошли тебе?»

«Да. Одна – Эдгара Аллана По, и она очень мрачная. Писателя, который написал «Ворона». Ты ведь его знаешь, да?»

«Нет».

«Не знаешь «Ворона»? Господи, чему вас учили в школе!? Ладно. Неважно. Итак, содержание о Южных морях, и она приключенческая, но герой переживает различные катастрофы, голод, клаустрофобию и, кроме прочего, он становится свидетелем каннибализма...»

«Ладно, ладно, не обязательно рассказывать мне продолжение... Не понимаю, почему тебя так привлекают кровавые истории. Когда ты рассказываешь мне о своей бабушке, какие-нибудь жестокие сцены из ее жизни...»

«Ну, не знаю, кто любит смотреть жестокие сцены. Ты каждый день смотришь новости, про террористов, про авиакатастрофы... Они же твои любимые».

«Ладно, хватит. А другую книгу ты почему не взял, вот что интересно?»

«А вторая – Гамсуна. Ты слышала о Гамсуне? Он норвежец».

«Нет».

«Этот человек – гений, но он был ультраправым, и после войны его влияние подавлялось. Когда его прочитаешь, увидишь, у кого учились все писатели двадцатого века, имеющие значение в литературе».

«И почему же ты не взял его книгу?»

«Да потому что действие происходит в Норвегии, в конце девятнадцатого века. Зимой. А я хочу работать на Тенерифе. Не подходит. Он убьет все мои краски. Я буду читать его зимой».

«И что, ты знаешь, о чем все те книги, которые ты взял с собой? Ты уже прочитал большую их часть, чтобы знать, где и когда происходили события, какая будет погода и какой будет климат?»

«Не стоит быть такой ироничной».

«Я говорю иронично? Извини, я немного устала, у меня болит голова. Ты можешь меня немного помассировать?»

*

Утром мы спустились по лестнице и отправились к отелю «*Маритим*». Дани спал, мы оставили ему записку. Томми спал на мне. По бейсбольной площадке бегал один британец. Конечно, я не мог точно знать, действительно ли он британец, но его лицо ужасно напоминало мне британца. Белокожий, но покрасневший от бега. Он, должно быть, перепрыгнул где-то через забор, чтобы смочь спокойно бегать по кругу по утренней свежести.

Мы прошли мимо Пунта Брава и забрались на возвышенность у отеля. Отель «*Маритим*» уже принадлежит Эль Тоскаль. Когда мы прошли мимо главного входа, мне очень захотелось

войти и посмотреть лобби и ресепшн. Но у меня не было причины. Мы договорились с Алиной пойти на пляж и посмотреть Roque Grande и Roque Chico³². Когда мы дошли, на табличке было написано, что вход на пляж запрещен в связи с осыпанием породы. От крутого спуска пахло мочой. Мы подумали, что дорогой долгое время никто не пользуется, чтобы спуститься к пляжу. Но, Господи, как прекрасны были эти скалы. И пляж. Дикий, только большие круглые камни, и беспокойная вода пенится в конце своего путешествия. Несколько чаек облетали большую скалу и спускались на нее. Там, где скалы были белыми, было очевидно, что чайки чувствуют здесь себя как дома. Удивительно, но мы видели и голубей, которые, похоже, гнездились на островках (носили в клювах веточки), хотя на них нет деревьев. Мы решили вернуться. На другой табличке, которую мы пропустили на входе, было написано, что несмотря на то, что эти островки выглядят отделенными от основной части побережья, на самом деле они – его часть, просто со временем из-за сильной эрозии от ветров и волн почву между двумя островками и остальной береговой частью унесло в океан. Сейчас Roque Grande и Roque Chico выглядят как две огромные головы, выглядывающие с отмели. Потому что на их вершинах растут кусты и низкие кактусы, похоже, будто у голов есть волосы.

Вот где та доисторическая тишина, по которой я тоскую, со времен дочеловеческой эры. Не то чтобы я не любил или недооценивал людей. Нет. Просто ради тишины и ради понимания, что Земля гораздо старше нас. Это добавляет и скромности, и спокойствия. Но эта Земля одинока. Она поражает меня, но я хочу вернуться к человечеству. У человечества есть газеты и кофе. Мы смотрели на них минут десять, и я не думал о них, я думал о том, сколько камней есть в космосе, сколько Сатурнов, необитаемых планет, не имеющих какого-либо значения, сколько куч неравномерно распределенных камней во всех галактиках и между ними. Я не нахожу в этом большого смысла, поэтому я легко сдался перед словами Алины, когда она предложила вернуться, при этом сохранив в себе тишину круглых камней с пляжа.

Мы увидели, как вдаль движется несколько точек. Они появились на следующем повороте, который, казалось, был от нас в паре километров. Мы пришли к выводу, что нужно попробовать приблизиться к островкам с другой стороны. Люди бежали или фотографировались, приближаясь к островкам. Все-таки Алина была скептически настроена относительно того, дозволено ли вообще ходить по этим дорожкам.

*

Как недостойно выглядит черный песок на коврик перед нашим домом в Берлине. Мои руки, моя грудь, живот и ноги чувствуют себя униженными, будучи лишенными возможности охладиться и быть обласканными соленой водой.

*

«Этот знак очень смешной. Смотри. Человек показывает рукой, что проход запрещен, а его рот широко открыт, как будто он громко кричит, чтобы ты вернулся. Ты так его понимаешь?»

«Да. Смешно. Напоминает мне Мунка».

«Не знаю, хороший ли пример для Дани то, что мы делаем».

«Я бы не сказал, что это хороший пример, но в жизни важнее всего уметь оценивать риск. Все зависит от деталей».

«Да. Мы не можем слепо подчиняться всем правилам. Тогда что это за жизнь. Но, прошу тебя, осторожней».

«Я думаю, какова вероятность, что скала упадет именно в тот момент, когда мы будем проходить по ней. Смотри, на первой трети пути камни не могут упасть, это просто запущенные террасы от банановых плантаций. Даже если какой-нибудь камень упадет, то не с высоты, да

³² Roque – скала, в данном случае маленький остров-скала, созданный в результате эрозии вулканической почвы недалеко от берега (исп.).

и вообще они маленькие. Вон там, в середине, кажется, немного опаснее. Но, похоже, и там есть сетка, которая удерживает скалы от падения. Последнюю часть пути плохо видно, но если там очень опасно, мы сможем вернуться. Все еще не стемнело, мы можем взять такси назад, через Тоскаль».

«Да. Давай попробуем. Пусть Дани идет перед тобой и за мной».

«Давай, Дани, иди передо мной. Что ты там делаешь? Ох, Алина, смотри! Ты видишь дыру в Roque Chico? Смотри, какая! Смотри, что сделали волны».

«Ты думаешь, это от волн? Да эта дыра высотой метров двадцать».

«Я бы сказал, около пятнадцати. И да, почему бы и нет. Волны не всегда такие низкие, как сейчас. Когда прилив и когда бушует шторм, они точно достигают и до... Ох, смотри! Ты видела? Осторожно, Дани, вернись назад. Видели? Ты видела, как высоко иногда поднимается вода, когда она разбивается о край скалы? Вот, так каждый раз маленький ее кусочек отделяется от островка и падает в океан, и вот так была создана эта арка».

«Может быть. А теперь идите подальше от края, видите, в некоторых местах нет ограждения. Ой-ой-ой, посмотри сюда, Дани. Отойди в сторону! Посмотри, какая большая скала упала сюда. Как она могла упасть сюда, когда над нами сеть? Значит, есть камни, которые осыпаются и падают выше сети, там, наверху».

«О, похоже это так, значит, с очень большой высоты. Под этим углом мы даже не можем видеть, откуда они падают».

«Дани, не бросай камешки вниз! Ты вообще головой думаешь? Что значит «но нет»? Если кто-то сидит на пляже, ты можешь его убить».

«Дани, брось камешки на землю, мама права, хотя вряд ли ты попадешь кому-нибудь прямо в голову там внизу».

«А можно мне оставить себе палочку?»

«Если не будешь бросать, то можно. И если не будешь бить по кактусам, как сейчас».

«Ох, на одном из следующих поворотов я вижу еще один, такой же большой камень. Видишь его, вон там?»

«Покажи мне».

«Подожди, Дани, дай маме сначала посмотреть, здесь столько места, что больше двух не поместится. Хм, может, камни падают не так уж и редко. Не понимаю, почему их не убирают с дороги, просто поставили знак, что здесь нельзя проходить, а камни оставили посреди дороги».

«Дани, а сейчас ты подойди и посмотри, и будь осторожней, не уколись о кактус. Мы будем там через две минуты, и ты увидишь скалу».

*

«Пилар, ты доела ужин?» – крикнула ей снизу бабушка.

«Да, бабушка!»

«Бабушка тебя немного раздражает, да?» – спросил ее отец.

«Нет».

«А, так, значит? А я-то думал, она задает тебе много вопросов».

«Да, может быть, больше, чем вы, но ее вопросы меня не беспокоят. Не знаю почему», – улыбнулась она.

«А, вот и они!»

«Который час? Часы у тебя на запястье. Мне кажется, сегодня они что-то сильно припозднились».

«Девять часов пять минут».

«Да. Уже почти ничего не видно».

Они немного помолчали.

«А что сейчас делает отец? Я почти не слышу».

«И я его не слышу, но он делает это уже несколько дней. Он прячется от ребенка за сеткой, которая висит на коляске, высовывается сверху и что-то ему говорит, а тот машет руками и смеется. Мне кажется, так он хочет удержать его в коляске, потому что раньше я много раз видела, как где-то на середине подъема он брал его на руки. Но тогда он с ним так не играл, и тот почти всегда плакал, и его приходилось брать на руки и толкать коляску наверх другой рукой».

«Ага. Значит, сейчас они и идут зигзагом, и играют в прятки с ребенком, поднимаясь наверх».

«Да», – улыбнулась Пилар. «Они играют в ку-ку».

*

«Что ты там стоишь? Ты что, так пишешь?»

«Да. Пожалуйста, оставь меня в покое, я так хорошо собираюсь с мыслями».

Она улыбнулась. Подошла к нему, остановилась и дважды шлепнула его по заду.

«Не читай сейчас у меня из-за спины, я дам тебе рукопись попозже».

«Я просто хотела сказать тебе, что Пилар и твоя мама вернутся через пять минут», – нежно и тихо сказала она и стала подниматься по лестнице.

Он глубоко вздохнул, перечитал последний абзац и положил друг на друга несколько листов бумаги, лежавших справа от него. Затем он выровнял их, ударяя стопкой о столик.

«Можешь читать, если хочешь».

«Но разве ты не хотел писать еще?»

«На сегодня хватит. Мне трудно сосредоточиться, когда я знаю, что Пилар скоро придет и захочет нам все рассказать».

Она снова вошла в комнату.

«А эта идея со столиком на столе – хороший трюк. Тебе так удобнее писать или это привычка из банка, со столиками, высоту которых можно регулировать кнопкой? У нас на работе пока таких нет, мы просто крутим ручки, как будто мелем абрикосы для джема».

«Похоже, это привычка из банка. Потом я смогу назвать себя вертикальным писателем».

Она посмотрела на него, словно не понимая.

«Ну, Трумэн говорил, что он горизонтальный писатель, потому что всякий раз, когда он писал, он ложился на кровать, ставил пишущую машинку на живот, закуривал сигарету и писал».

«Какой Трумэн? Гарри?»

«Капоте, Господи! Ты же вроде любишь американскую литературу? Гарри Трумэн был президентом».

Она снова шлепнула его по заду и поцеловала в губы.

«Я просто подкальываю тебя. Я знаю, кто написал *«Завтрак у Тиффани»*, но это не мой стиль литературы. А Гарри я не знала. Я слышала о нем, но не знала, кто он».

«Знаю, знаю я твои познания в политике».

«Ладно, ладно, вертикальный писатель», – смеялась она. – «Кстати, а почему ты стоишь?»

«Не знаю. Может быть, потому, что, когда я стою, кровь лучше циркулирует в теле, или, не знаю, что-то другое... но так я лучше могу сосредоточиться».

*

«Вот это мне нравится: «Небо было таким синим, как синяя футболка, полинявшая от множества стирок».

«Читай дальше, в конце ты мне скажешь, что думаешь о главе целиком».

Она как будто его не слушала. «И это мне нравится». Он ткнула пальцем в другую часть текста и прочитала: «В глубине, возможно, совсем недалеко отсюда, спят киты. Все иногда спят, и собаки, и черви, и муравьи. «Тут ты написал «сабаки», надо исправить».

«Пелла, пожалуйста, сначала прочитай весь текст, а потом комментируй».

«Ладно, пойду до конца».

Как будто в шутку, быстро бормоча и кивая головой, она вполголоса прочитала конец текста: «Прямо под хребтом находится большая бейсбольная площадка, затем большой отель, а затем океан. Черт побери, разве кто-то в Европе играет в бейсбол? Нет публики, всего несколько бетонных сидений за южным забором, но игроки энтузиасты, аплодируют друг другу, громко кричат. Когда они промахиваются по мячу битой и когда мяч падает в тяжелую перчатку, звук слышится гораздо позже. Здесь, наверху, всегда интересно предвосхищать звук падения мяча в перчатку. Когда игроки бегут к базе, они бросают шлемы на полпути, как будто от этого они станут быстрее. Сегодня утром я сначала услышал, а потом и увидел ястребов, летающих над площадкой. Они отдыхают на металлических конструкциях прожекторов».

Она посмотрела на него. «Слушай. Мне нравится».

Он молчал. Она улыбнулась.

«Нет. Мне действительно нравится. Ты давно так не писал. Я рада за тебя. Надеюсь, ты этого от себя и ожидал?»

И он тоже улыбнулся.

*

Сегодня они вышли позже обычного. Было жарко, а небо было таким синим, как синяя футболка, полинявшая от множества стирок. Пилар хотела, чтобы они поплавали, и они остановились на большом пляже рядом с Пунта-Брава. Бабушка постоянно махала ей рукой из-под зонтика, чтобы она вылезала из воды, но та делала вид, что не видит ее. Она знала, что ее бабушка знает, что она ее видит, и просто притворяется, что не видит ее, и знала, что это рассердит бабушку, но ей было все равно, вода была теплее обычного, а волны были идеальной высоты того, чтобы в них нырять. Мама и папа рассматривали газету и не поддерживали бабушку, поэтому Пилар было еще больше безразлично, что бабушка постоянно на нее кричала.

Потом они шли пешком, и к тому времени, когда они добрались до Мирадор Плайя Лос Рокес³³, перевалило за полдень. Когда они посмотрели на островки с высоты, Пилар сказала, что они похожи на головы великанов, вынырнувших из океана. «У них даже есть волосы из кактусов, правда, папа?» – настаивала она.

Даже ее бабушка Пилар смогла пойти с ними. На ней были кроссовки, в которых она выглядела смешно, потому что ни одна другая бабушка, особенно в Мадриде, не носит кроссовки. Пилар никогда не видела бабушек в кроссовках. Когда ее бабушка была молодой, она занималась атлетикой. Папа и мама вспотели, Пилар тоже вспотела, и только бабушка не вспотела. Но никто так не вспотел, как папа: его футболка прилипла к животу и спине.

«Интересно, зачем кому-то понадобилось строить такую дорогу вдоль побережья? Она похожа на старые римские дороги», – сказал папа.

«Может, в прошлом дорога была ровнее, но со временем, когда по ней ходили люди и ослы, некоторые камни поднялись».

«Да, но, черт возьми, кто-нибудь может сломать себе ноги об эти камни. Лучше бы их отсюда вытащили, так мы хотя бы шли сейчас по мягкой земле».

«Тогда нам будет проще поскользнуться», – сказала Пилар.

Никто ничего не сказал. Они устали, а солнце было близко к зениту. Они медленно и осторожно шли вниз. Потом они повернули направо. Дорога пока не разветвлялась.

«Когда мы вернемся, я хочу поплавать в бассейне. Ладно, папа?»

«Ладно, ладно».

Они прошли еще немного, разглядывая огромные вулканические скалы. Затем они повернули налево и метров через десять увидели дорогу направо и дорогу налево. У начала

³³ Mirador – смотровая площадка.

дороги направо стояли два знака и сетка, которая была разрезана. Очевидно, многие перелезали через нее, чтобы пойти дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.